

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. В ОЦЕНКАХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Аграрное движение является важнейшим социально-политическим процессом в Поволжье в начале XX в., что определяет сохранение интереса к различным аспектам этой проблемы в отечественной историографии на протяжении нескольких десятилетий. В этой связи становится актуальным анализ взглядов руководителей провинциального государственного аппарата на крестьянское движение в регионе в годы Первой российской революции, представленный в данной статье.

Материалы и методы. Решение поставленных в работе задач осуществляется путем применения сравнительно-исторического метода к анализу документов, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Ульяновской области, а также мемуаров руководителей поволжских губерний, опубликованных в России и за рубежом.

Результаты. Исследованы всеподданнейшие отчеты губернаторов, составленные в период революции 1905–1907 гг., и воспоминания отдельных представителей губернской администрации, опубликованные впоследствии, проведено сопоставление оценок крестьянского движения в различных типах документов. Проанализированы взгляды местных руководителей на причины аграрного движения и его особенности в отдельные периоды революции.

Выводы. Руководители губернской администрации достаточно точно определяли объективные и субъективные причины аграрного движения в Поволжье в годы Первой российской революции, но, являясь представителями одной из противоборствующих сторон, акцентировали внимание на факторах, связанных с деятельностью своих политических противников. Они не только выделяли, но и стремились объяснить особенности крестьянских выступлений на различных этапах революции. В официальных документах их оценки правительственной политики корректны и сдержаны. Авторы мемуаров, уже не связанные ограничениями государственной службы, более свободны в анализе политических и социальных процессов.

Ключевые слова: аграрное движение, крестьянские выступления, губернаторы, провинциальная администрация, всеподданнейшие отчеты, мемуары.

G. V. Garbuz

THE AGRARIAN MOVEMENT IN THE VOLGA REGION DURING THE REVOLUTION OF 1905–1907 IN THE ASSESSMENTS BY LOCAL ADMINISTRATION MANAGERS

Abstract.

Background. The agrarian movement is the most important socio-political process in the Volga region at the beginning of the 20th century, which determines

the preservation of interest in various aspects of this problem in Russian historiography for several decades. In this regard, the analysis of the views of the leaders of the provincial state apparatus on the peasant movement in the region during the first Russian revolution, presented in this article, becomes relevant.

Materials and methods. The solution of the tasks set in this work is carried out by applying the comparative historical method to the analysis of documents extracted from the funds of the Russian state historical archive and the state archive of Ulyanovsk region, as well as memoirs of the leaders of the Volga provinces published in Russia and abroad.

Results. The most detailed reports of the governors compiled during the revolution of 1905–1907 and the memoirs of individual representatives of the provincial administration, published later, were studied, the estimates of the peasant movement in various types of documents were compared. The article analyzes the views of local leaders on the causes of the agrarian movement and its features in certain periods of the revolution.

Conclusions. The leaders of the provincial administration quite accurately defined the objective and subjective causes of the agrarian movement in the Volga region during the first Russian revolution, but as representatives of one of the warring parties, they focused on factors related to the activities of their political opponents. They not only singled out, but also sought to explain the features of peasant actions at various stages of the revolution. In official documents, their assessments of government policy are correct and restrained. The authors of memoirs, no longer bound by the restrictions of public service, had more freedom to analyze political and social processes.

Keywords: agrarian movement, peasant speeches, governors, provincial administration, humble reports, memoirs.

В начале XX в. Среднее Поволжье являлось типичным аграрным регионом Российской империи, где основная масса населения в той или иной степени была связана с сельским хозяйством. Аграрные противоречия, усиленные модернизационным процессом на рубеже XIX–XX вв., стали главным катализатором революционных потрясений, а аграрное движение – основной составляющей революционного процесса в период Первой российской революции. По масштабу крестьянских выступлений Поволжье занимало одно из первых мест в стране, что определило значительный интерес к событиям в поволжской деревне в отечественной историографии революции 1905–1907 гг. В советской историографии анализ аграрных выступлений в регионе представлен в фундаментальных работах, посвященных революционной борьбе российского крестьянства [1, 2], и трудах региональных историков, освещавших крестьянское движение в отдельных губерниях [3]. В современной российской историографии также затрагиваются отдельные аспекты крестьянского движения данного периода [4–6]. Проблема отношения местной администрации к аграрному движению представлена в этих исследованиях фрагментарно в контексте общего анализа правительственной политики, специальных работ, посвященных данному вопросу, не было.

Борьба с крестьянским движением стала главной составляющей охранительной политики администрации поволжских губерний. В моменты наиболее острых революционных кризисов она поглощала руководителей губернского административного аппарата целиком, по их собственному при-

знанию «было уже не до того, чтобы заниматься хозяйственными заботами» [7, с. 7]. Перипетии этой борьбы сохранились в документах центральных и местных архивов и мемуарах руководителей губернской администрации.

Архивные документы, использованные в данной статье, представлены в основном всеподданнейшими отчетами губернаторов, в которых кроме обширных статистических материалов, сосредоточенных в приложении, присутствует текстовая часть, представляющая анализ основных процессов, происходивших в губернии, и действий местной администрации. По мнению А. С. Минакова, текстовая часть составлялась чиновниками губернаторских канцелярий, а затем редактировалась и корректировалась самими губернаторами [8, с. 106]. Таким образом, конечный вариант отчета отражал взгляд начальника губернии на ситуацию в подведомственном ему регионе. Особенностью этого периода является частая смена губернского руководства. В трех поволжских губерниях – Пензенской, Самарской и Симбирской – за три года революции сменилось по три губернатора. Не все начальники губерний успевали составить всеподданнейшие отчеты. В такой ситуации некоторым губернаторам приходилось освещать события и процессы, происходившие без их непосредственного участия, опираясь на данные и выводы, предоставленные подчиненными, кроме того, формат отчета предполагал определенные рамки и правила и накладывал на автора некоторые ограничения, что не всегда позволяло точно отразить свою позицию.

Мемуары руководителей поволжских губерний существенно дополняют официальные документы. Их авторы, уже не ограниченные бюрократическими условностями, могут позволить себе более свободный и пространственный анализ отдельных аспектов аграрного движения. Написанные постфактум воспоминания содержат анализ событий и процессов с учетом их результатов и последствий, еще не известных авторам деловых документов. Однако следует отметить, что мемуары представляют субъективную точку зрения их авторов, на которую могут влиять различные обстоятельства. В работе использованы воспоминания симбирского губернатора Л. В. Яшвиля [9], его коллеги И. Ф. Кошко [7], занимавшего в этот период должность самарского вице-губернатора, а затем пензенского губернатора и самарского губернского предводителя дворянства А. Н. Наумова [10]. Взгляды А. Н. Наумова на аграрное движение интересны также тем, что, являясь вторым лицом в губернской чиновной иерархии, он одновременно представлял и вторую сторону социального конфликта в поволжской деревне – местных помещиков.

В качестве главной причины аграрных выступлений «хозяева губерний» указывают «подстрекательство врагами государства невежественных крестьянских масс» [11, с. 3]. В оценках руководителей губернской администрации отмечается некоторая вторичность аграрного движения, сформировавшегося под влиянием революционных сил, возникших в городской среде. «Революционное движение перебросилось из города в деревню» [10, с. 24], – писал в своих воспоминаниях А. Н. Наумов. Характеризуя ситуацию в самарской деревне накануне мощного подъема аграрного движения осенью 1905 г., он отмечал: «Откуда-то появились никому не известные гастролеры-агитаторы, большею частью молодежь, руководимая чьей-то опытной рукой» [10, с. 25]. Основным проводником революционных идей в деревне, по мнению губернской администрации, стал тот ее элемент, который не являлся ча-

стью крестьянского общества, но имел прочные связи за пределами сельского мира – местная интеллигенция и сельское духовенство. «Целые кадры агитаторов проникли в сельские местности и при поддержке учителей, земских служащих, волостных писарей и даже священников усиленно подготавливали выступления крестьян против помещиков» [12, л. 3 об.], – писал симбирский губернатор Д. Н. Дубасов. Почти теми же словами характеризовал ситуацию в губернии его пензенский коллега С. А. Хвостов: «Аграрные беспорядки... были вызваны агитацией сельских учителей, учительниц... и даже некоторых священников» [13, л. 28]. Неприятный для царской администрации факт участия в аграрном движении духовенства попытался объяснить в своих мемуарах И. Ф. Кошко: «С первого взгляда это кажется прямо необъяснимым. Но если вдуматься в ужасное положение сельского духовенства, его полную материальную необеспеченность и крепостную зависимость от прихожан, едва ли удивительно, что слабейшие из них подпевали в тон смутьянам, из опасения лишиться куска хлеба» [7, с. 191].

Руководители местной администрации не отрицали наличия объективных предпосылок крестьянских выступлений. Основные выделил в своем отчете самарский губернатор В. В. Якунин: «Благоприятной при этом почвой для развития разрушающих государственность идей, несомненно, служила... нужда в устройстве земельного быта крестьян, ожидающих земельного обеспечения в тревожной обстановке, вызванной бедствиями недорода» [11, л. 3]. В официальных документах внимание акцентируется на проблемах, связанных с неурожаем, который Поволжье переживало два года подряд. В отчете пензенского губернатора отмечалось, что в 1905 г. в сравнении с предыдущим озимых хлебов было собрано в четыре раза меньше, а яровых – в три [13, л. 396]. В мемуарах И. Ф. Кошко дано описание одной из поездок по Самарской губернии летом 1906 г.: «По обеим сторонам тракта потянулись бесконечные поля, имевшие какой-то зеленовато-серый оттенок. То было сплошное море колеблющейся довольно редкой лебеды» [7, с. 68]. В таких условиях, по мнению некоторых администраторов, крестьяне были особенно восприимчивы к революционной агитации, в надежде за счет грабежа помещичьих и государственных запасов как-то поправить свое отчаянное положение.

Проблема крестьянского малоземелья затрагивалась во всеподданнейших отчетах вскользя. Губернаторы отмечали, что недостаток надельных земель местное население может компенсировать за счет аренды помещичьих и государственных угодий, но в некоторых случаях вынужденно признавали, что «все-таки существенно увеличившийся рост населения требует незамедлительного увеличения площади крестьянского землевладения» [11, л. 4].

В мемуарах представители власти могли позволить себе быть более откровенными в оценках социальных проблем и ошибок государственной политики в поволжской деревне. Они признавали, что крестьянские выступления были в определенной степени спровоцированы помещиками. Характеризуя ситуацию с крестьянским землевладением в Пензенской губернии, И. Ф. Кошко, отмечал: «Наделы крестьян были крайне малы, сплошь и рядом мужики сидели на дарственных наделах и могли существовать лишь арендуя землю у помещиков и уплачивая очень высокую плату» [7, с. 7]. А. Н. Наумов, который в должности губернского предводителя дворянства последова-

тельно отстаивал интересы местных землевладельцев, вынужден был констатировать, что экономия генерала Х. Х. Роопа не случайно стала эпицентром аграрного движения в Самарской губернии осенью 1905 г. По его словам, сам помещик «все делал, чтоб довести местное крестьянство до состояния полной и открытой ненависти к своему “барину”» [10, с. 25].

Авторы мемуаров отмечали, что идея «черного передела» никогда не покидала умы крестьян, а революция воспринималась ими как еще одна возможность реализовать свои вековые чаяния. «Известно ведь, что все серьезные движения среди крестьянства всегда проходили во имя этой идеи» [7, с. 36], – писал И. Ф. Кошко. А. Н. Наумов указывал, что в этот период «наслушался» в своем имении от крестьян речей о том, что «земля, что воздух или вода – должна всем одинаково принадлежать» [10, с. 73], хотя, по его мнению, местные крестьяне особой нужды в земле не знали. Идея приобретения всей земли была доминирующим аккордом аграрного движения в Симбирской губернии, по словам Л. В. Яшвиля. В то же время симбирский губернатор подчеркивал, что крестьяне «сами не знают, будет ли лучше, когда помещичьего хозяйства не будет» [9, с. 26]. Таким образом, первые лица губернской администрации вынуждены были признать антагонистический характер социальных противоречий в деревне.

В отличие от официальных документов, в «воспоминаниях» руководители провинциальной администрации могли позволить себе критику правительства в деревне в предреволюционный период. «Петербург, вероятно, серьезно думал, что положение о земских начальниках устроило крестьянское дело и что исключительными законами можно поддержать разорившееся в силу экономических причин среднее дворянское землевладение» [9, с. 3], – писал симбирский губернатор. Он считал, что своей непродуманной политикой правительство оказало дворянству «медвежью услугу», поскольку «все эти мероприятия в пользу одного сословия ничего ему не дали, но создали врагов» [9, с. 3].

Все мемуаристы отмечают отсутствие надежной вертикали власти. А. Н. Наумов прямо указывает: «Основным несчастьем нашего социально-государственного уклада являлась разъединенность между столичным центром и нашей глухой провинцией» [10, с. 26]. По мнению местных руководителей, такая ситуация порождала слабость власти и вселяла в крестьян уверенность в успехе аграрных выступлений, а неумение правительства обеспечить эффективную реализацию своих важнейших решений давало возможность врагам государства исказить их истинный смысл, чтобы использовать для активизации аграрных беспорядков.

В своих оценках аграрного движения руководители губерний отмечали его особенности в различные периоды революции. В представлении местной администрации до осени 1905 г. ситуация в поволжской деревне оставалась относительно спокойной. В своих «Воспоминаниях» Л. В. Яшвиль писал, что летом были поджоги помещичьих построек лишь в одном имении Симбирской губернии, других значительных выступлений крестьян не наблюдалось [9, с. 8]. Провинциальные администраторы считали, что мощный подъем аграрного движения в конце года был в определенной степени спровоцирован изданием Манифеста 17 октября. Крестьяне превратно поняли смысл Мани-

феста. «“Нынче свобода” – и поэтому крестьяне стали свободно рубить чужой лес, а скоро и разбирать магазины» [9, с. 19], – писал Л. В. Яшвилъ. А. Н. Наумов отмечал архаичность правительственных средств коммуникации, не позволявших оперативно ознакомить крестьян с содержанием Манифеста, что было умело использовано революционерами. «Как только пошел среди населения слух о каком-то царском “вольном” манифесте, не успели еще батюшки раскататься и объявить его с амвона церковного, а по крестьянским рукам уже ходили золотом отпечатанные подметные листки, также под наименованием царских манифестов» [10, с. 26], – сообщал губернский предводитель дворянства. Содержание этих «манифестов» прямо призывало крестьян к погромам помещичьих имений. «Манифест 17 октября 1905 года послужил, к великому сожалению, в руках революционеров могучим средством для внесения в население смуты» [13, л. 27], – констатировал самарский губернатор В. В. Якунин.

Именно влиянием профессиональных революционеров руководители местной администрации объясняют одновременный повсеместный всплеск крестьянских волнений в этот период, а также стремление крестьян вывести аграрные выступления за пределы привычного им общинного мира. А. Н. Наумов описывал действия самарских крестьян следующим образом: «После начального разгрома обычно снаряжался целый обоз, набиралось своего рода добровольческое войско, куда входил наиболее праздный и худший элемент деревни. Под водительством особо избранных “атаманов”, в число которых попадали чаще всего заезжие гастролеры-агитаторы, импровизированное полчище передвигалось дальше по пути намеченных к уничтожению барских хозяйств и усадеб» [10, с. 25]. Хозяева губерний вынуждены были признать, что вверенные им силы правопорядка были не в состоянии самостоятельно справиться с волной крестьянского недовольства. «Крайне ограниченный, а в известной ее части недостаточно оправдавший свое назначение в то время состав полиции, совершенно не подготовленный к борьбе с такого рода массовыми выступлениями злобно настроенного крестьянства, не мог, конечно, оказать должного сопротивления грабежу и бесчинствам, почти одновременно происходившим в разных пунктах» [12, л. 4], – сообщал в своем отчете симбирский губернатор Д. Н. Дубасов.

Помещики, по мнению представителей власти, своими действиями провоцировали крестьян на крайние меры. Значительная их часть бежала из имений, облегчая тем самым крестьянам разгром брошенных усадеб. Поддержку власти получали те хозяева, которые обзаводились охраной и вступали в столкновения с участниками аграрных выступлений, даже если они сами при этом преступали рамки закона. В мемуарах А. Н. Наумова приводится эпизод с бугульминским помещиком Быковым, который, чтобы предупредить разгром имения, вместе со своими служащими выкрал из остановившегося на ночевку рядом с его владениями крестьянского отряда двоих крестьян и повесил их на опушке собственного леса с предупреждением, что так будет с каждым, кто покусится на его владения [10, с. 27]. Случай явного самосуда вызывает полное одобрение у губернского предводителя дворянства, с удовлетворением констатировавшего, что после этих событий волна крестьянских выступлений в уезде пошла на спад.

Некоторое ослабление открытого аграрного противостояния в начале 1906 г. власти связывали с выборами в I Государственную думу. Местная администрация активно внедряла в сознание сельского населения мысль о том, что Государственная дума с участием крестьянских представителей решит наиболее острые аграрные проблемы законным путем. Сходные идеи выдвигали политические партии, участвовавшие в избирательном процессе. Избирательная кампания вселила в поволжскую деревню уверенность в том, что именно Дума станет главным органом в решении крестьянского вопроса. По мнению провинциальных руководителей, в представлении крестьян Государственная дума являлась если не высшим, то следующим после императора по значению органом власти. С этого момента провинциальные власти отмечают новую черту в аграрном движении – составление крестьянских приговоров с наказами Думе. Начальники губерний были уверены, что приговорное движение – это еще одна попытка оппозиционных сил использовать крестьян в своих политических интересах. «Громадное большинство приговоров не соответствовало ни желаниям крестьян, ни их понятиям. Были случаи, когда приговоры, составленные литературным языком и заключающие в себе целую программу политического и социального строя, исходили от инородцев – чуваш и татар, ни одного слова не понимавших по-русски» [12, л. 4 об.], – утверждал симбирский губернатор Д. Н. Дубасов.

С началом деятельности I Государственной думы местные администраторы связывали новый подъем крестьянских выступлений. Открытая критика с думской трибуны правительственного курса и государственного аппарата существенно осложняла деятельность местной администрации в деревне. «Мы из сил выбиваемся, чтобы поддержать престиж государственной власти, а в Государственной думе с кафедры министры величаются ворами и насильниками» [7, с. 73], – досадовал И. Ф. Кошко. Отмечалось, что в этот период участились случаи нападения крестьян на представителей власти. И. Ф. Кошко описывает, как во время одной из поездок на усмирение крестьянских беспорядков самарскому губернатору И. Л. Блоку едва удалось вырваться из толпы крестьян, забросавших в итоге его экипаж комьями грязи. «Нужно знать обычное обаяние губернаторской власти на крестьянскую толпу, чтобы понять чрезвычайную симптоматичность, так сказать, этого эпизода» [7, с. 72], – писал самарский вице-губернатор.

Пик крестьянских выступлений пришелся на июль-август 1906 г., но, по отзывам хозяев губерний, был слабее, чем они ожидали в связи с растерянностью антиправительственных сил, обескураженных роспуском I Государственной думы. Провинциальные руководители, получившие уже достаточный опыт борьбы с аграрными беспорядками, отмечали, что, когда выступления осуществляются крестьянами самостоятельно и «толпа ведется своими же, живущими среди нее элементами», вспышки крестьянского недовольства довольно быстро угасают. «Еще так недавно рокочущая стихия, способная на самые зверские выпады, становилась приниженной, робкой, боязливо ожидающей жестокого возмездия» [7, с. 56], – писал И. Ф. Кошко. Но если крестьянские выступления направляются рукой профессиональных революционеров, постоянно подогревающих крестьянское недовольство, то такие выступления можно остановить «лишь нещадным действием открытой силы» [7, с. 57].

На последнем этапе революции провинциальные руководители отмечают изменение характера крестьянских выступлений. Активное применение войск, учреждение конно-полицейской стражи и введение во всех поволжских губерниях положения усиленной охраны обеспечило местную администрацию достаточными силами и средствами для подавления массовых аграрных беспорядков, которые в конце 1906 – первой половине 1907 г. становятся уже редким явлением. Открытие деятельности II Государственной думы способствовало новой активизации приговорного движения, теперь в наказах крестьян преобладали требования принудительного и бесплатного отчуждения помещичьей земли [14, с. 9]. Но, по мнению губернаторов, крестьяне уже не питали особых надежд на то, что Дума издаст соответствующий закон, и пытались добиться своих целей другими способами. «Они стали систематически уничтожать огнем решительно все строения в усадьбах» [7, с. 152], – отмечал новую тактику крестьян И. Ф. Кошко. В своем отчете в качестве примера он приводит село Елань Пензенской губернии, в котором помещичья экономия горела 14 раз [14, с. 11]. Таким образом, крестьяне пытались заставить помещиков отказаться от ведения хозяйства и продать им земли через Крестьянский банк, в уверенности, что затем Государственная дума освободит их от платежей. Тайные поджоги помещичьего имущества стали главной проблемой местной администрации в этот период. Их пик в Поволжье пришелся на май 1907 г. После роспуска II Государственной думы аграрное движение резко пошло на спад, но отдельные вспышки крестьянских выступлений продолжались до конца этого года. По мнению начальников губерний, стабилизации ситуации в деревне способствовало снижение деятельности революционных организаций, ослабленных правительственными репрессиями, и отсутствие поддержки со стороны представительного органа.

Оценки аграрного движения в Поволжье в годы Первой российской революции, данные руководителями местной администрации, во многих аспектах близки к выводам отечественной историографии. Обладавшие достаточной компетенцией начальники провинциального административного аппарата точно определяли объективные и субъективные процессы, способствовавшие всплеску аграрных выступлений в регионе. Представляя одну из сторон конфликта, они акцентировали внимание на действиях своих политических оппонентов и предлагали решение объективных проблем российской деревни в русле господствовавших в государственном аппарате подходов, наиболее ярко проявившихся при реализации столыпинской аграрной реформы.

Библиографический список

1. **Дубровский, С. М.** Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. / С. М. Дубровский. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – 168 с.
2. **Сенчакова, Л. Т.** Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. / Л. Т. Сенчакова. – Москва : Наука, 1989. – 262 с.
3. **Кузьмин, А. З.** Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. / А. З. Кузьмин. – Пенза, 1955. – 248 с.
4. **Гарбуз, Г. В.** Аграрное движение в Пензенской губернии в конце 1905 г. / Г. В. Гарбуз // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7, № 3 (27). – С. 5–11.
5. **Кистанов, С. В.** Российское крестьянство, политические организации и частная собственность: региональный аспект периода внутривластных потрясений / С. В. Кистанов // Экономическая история. – 2017. – № 1 (36). – С. 67–76.

6. **Разин, С. Ю.** Крестьянство Среднего Поволжья и политические партии в революции 1905–1907 гг. / С. Ю. Разин // Новый исторический вестник. – 2008. – № 18 (2). – С. 57–63.
7. **Кошко, И. Ф.** Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород – Самара – Пенза / И. Ф. Кошко. – Петроград : Содружество, 1916. – 259 с.
8. **Минаков, А. С.** Всеподданнейшие отчеты о состоянии Орловской губернии (1804–1914 гг.): проблемы выявления и использования / А. С. Минаков // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4 (42). – С. 103–110.
9. **Яшвил, Л. В.** Воспоминания о Симбирске 1905–1906 / Л. В. Яшвил. – Киев : Тип. губернского правления, 1906. – 54 с.
10. **Наумов, А. Н.** Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917 : в 2 кн. / А. Н. Наумов. – Нью-Йорк : Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1955. – Кн. 2. – 583 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 194. 1907. Д. 63.
12. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 7. Д. 347.
13. РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1905. Д. 49.
14. РГИА. Ф. Б-ка 1 отделения. Оп. 1. Ед. хр. 65. Всеподданнейший отчет пензенского губернатора за 1907 г.

References

1. Dubrovskiy S. M. *Krest'yanskoe dvizhenie v revolyutsii 1905–1907 gg.* [The peasant movement in the Revolution of 1905–1907]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1956, 168 p. [In Russian]
2. Senchakova L. T. *Krest'yanskoe dvizhenie v revolyutsii 1905–1907 gg.* [The peasant movement in the Revolution of 1905–1907]. Moscow: Nauka, 1989, 262 p. [In Russian]
3. Kuz'min A. Z. *Krest'yanskoe dvizhenie v Penzenskoy gubernii v 1905–1907 gg.* [The peasant movement in the Revolution of 1905–1907]. Penza, 1955, 248 p. [In Russian]
4. Garbuz G. V. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State]. 2019, vol. 7, no. 3 (27), pp. 5–11. [In Russian]
5. Kistanov S. V. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic history]. 2017, no. 1 (36), pp. 67–76. [In Russian]
6. Razin S. Yu. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New historical bulletin]. 2008, no. 18 (2), pp. 57–63. [In Russian]
7. Koshko I. F. *Vospominaniya gubernatora (1905–1914). Novgorod – Samara – Penza* [Memoirs of a governor (1905–1914). Novgorod – Samara – Penza]. Petrograd: Sodruzhestvo, 1916, 259 p. [In Russian]
8. Minakov A. S. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Proceedings of Orel State University. Series: Humanities and social sciences]. 2011, no. 4 (42), pp. 103–110. [In Russian]
9. Yashvil' L. V. *Vospominaniya o Simbirske 1905–1906* [Memories about Simbirsk of 1905–1906]. Kiev: Tip. gubernskogo pravleniya, 1906, 54 p. [In Russian]
10. Naumov A. N. *Iz utselevshikh vospominaniy. 1868–1917: v 2 kn.* [From surviving memories. 1868–1917: in 2 books]. New York: Izd. A. K. Naumovoy i O. A. Kusevitskoy, 1955, bk. 2, 583 p. [In Russian]
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 1284. Op. 194. 1907. D. 63. [In Russian]
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Ul'yanovskoy oblasti (GAUO)* [State Archive of Ulyanovsk region]. F. 76. Op. 7. D. 347. [In Russian]
13. *RGIA*. F. 1263. Op. 4. 1905. D. 49.
14. *RGIA*. F. B-ka 1 otdeleniya. Op. 1. Ed. khr. 65. *Vsepoddanneysiy otchet penzenskogo gubernatora za 1907 g.* [Humble report of the governor of Penza for 1907]. [In Russian]

Гарбуз Георгий Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Отечества, государства
и права, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: ggarbuz@rambler.ru

Garbuz Georgiy Vladimirovich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of Russian,
state and law history, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Гарбуз, Г. В. Аграрное движение в Поволжье в период революции 1905–1907 гг. в оценках руководителей местной администрации / Г. В. Гарбуз // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 36–45. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-4-4.